

«СЕРДЦА МОИХ ДРУЗЕЙ»

Заметки о поэзии
Михаила Дудина

Имя это хорошо известно любителям поэзии. Писатель принадлежит к поколению, призванному в литературу войной. Со всей силой, со всем гневом поэт, прошедший дорогами войны, сегодня борется за светлое будущее человека. Идет борьба — и в масштабах планеты! — за жизнь на нашей земле, за мир. И советский поэт, Герой Социалистического Труда среди ее активных борцов. В этом стержень творчества Дудина, основа его поэтического видения.

Недавно издательством «Художественная литература» завершен выпуск трехтомного собрания сочинений Михаила Дудина, куда вошли стихотворения, поэтические переводы и прозаические произведения. Издание это дает достаточно полное представление о творчестве поэта и, что, может быть, еще важнее — об облике писателя.

Михаил Александрович родился в маленькой деревне неподалеку от Иванова, трудолюбивое население ее на зиму уходило работать на ткацкие фабрики, летом — возвращалось к земле. Нередко, читая Дудина, слушая его, улавливаешь те черты, которые закладываются в человеке с раннего детства, — знание языка родных мест, уважение к людям труда...

Экземпляры своей первой книги Дудин получил на фронте — севернее Ленинграда. А дальше были леса Карелии, оборона Ханко, блокада Ленинграда. Была война, ледяные дороги, переходы...

Известен Дудин стал стихами с Ленинградского фронта. Люди сердцем воспринимали слово поэта-воина:

Звонят стрижи: Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым, громохочущим снарядом.

Верно сказано, что биография поэта в его стихах. По произведениям военной поры М. Лукомина, С. Орлова, К. Ваншенкина, Ю. Друниной и других можно представить и биографию времени и их собственную.

В стихотворении «Землянка» Дудин пишет о том, как «стесали стенки прямо, ровно, досок, соломы нанесли. Рубили лес, тащили бревна, на крышу сыпали земли». Это о себе самом, о своем ратном труде. И написано по свежим следам событий, скорее всего в той же самой землянке.

Военные стихи Михаила Дудина говорили о войне с фашистскими захватчиками как трагической необходимости. Возникла тема мужества. Характерной мне кажется поэма «Семья». Поэме присущи точность деталей, чувств к времени, черты той высокой трагичности, которой отмечены самые правдивые и суровые стихи о войне.

В стихах Дудина послевоенных лет жизнь все время шла под незримым контролем мысли: а вдруг все это временное — радость, мир, солнце? А вдруг все снова вернется — шквал огня, голод,

кровь? Это чувство порой уходило в глубь поэтических решений, но подспудно, как мне кажется, оно существовало долго.

...Давным-давно засыпаны траншеи. Восстановлены дома. Затянулись раны. Но люди военного поколения еще часто видят мир как бы через амбразуру дота или смотровую щель танка. Это относится не только к Дудину, но и к другим поэтам — участникам войны. Снова и снова они приходят к воспоминаниям: «И днем, и ночью без конца, темнея от свинца, стучат в твоей груди сердца, моих друзей сердца».

Дудин не случайно вспоминает о погибших. Обращаясь к Вороньей горе, он говорит: «А мне, гора, в дороге долгой через тревогу и печаль растущий груз двойного долга нести и сматриваться вдаль».

«Песня дальней дороге» — поэма очень дудинская, и в то же время она меняет представление о поэте с его спокойной и мягкой интонацией, с его устойчивыми ритмическими ходами. Символический образ поезда, летящего сквозь Вселенную, поезда, в котором каждому из его пассажиров не хочется умирать и хочется быть счастливым. Они разные, эти люди — парень, девушка, сам автор, кибернетик, священнослужитель. Биография каждого вобрала в себя сотни судеб: «Был я рыцарем. По росту меч носил и в рог трубил. Защищал друзей и просто деревенским парнем был. Прорывал тропу к окопу и с гранаты рвал запал. И не бык, а я Европу на хребте своем спасал».

Монолог автора? Нет, скорее монолог времени. Поэма «Песня дальней дороге» несет в себе тревогу за судьбы Земли, без чего трудно представить творчество современного художника.

Последние стихи Дудина — это своеобразный синтез всего достигнутого. Поэт видит прекрасное в мире и отнюдь не склонен романтизировать или преувеличивать человеческие возможности. Он присоединяет свой голос к тем, кто борется за мир, за светлое будущее человечества, за сохранение природы.

Поэт улавливает законы бытия и живет волнением человека, вдыхающего кислород мирных времен: «Днем и ночью, всю зиму до самой весны, видит голая липа зеленые сны. Почему я спокойно глядеть не могу на скрипучую липу в январском снегу?» И в этих стихах звучит тема тревоги. Но шире стал мир радостей, мир природы в ее величии и простоте. «Прислушайся. На всей планете замедлен времени полет. Форель играет в лунном свете, и вся вселенная поет».

Его любовь к Родине пронизана гордостью сына страны, знающего ее историю и видящего ее будущее, активного человека, умеющего философски осмыслить происходящие перемены.

Михаил Дудин — русский поэт, воспитанный на интернационалистических традициях. Отсюда интерес к тому, что стало жизнью людей всех национальностей, к творчеству

многих из тех талантливых представителей поэзии братских народов, которые привлекли его созвучностью настроений, близостью их к тому, что стало судьбой нашего времени.

Весьма ощутима у Дудина «классическая струя» — речь идет не только о таких жанрах, как сонет, речь идет о верности традиционному началу, сознательной опоре на поэтику прошлого века (недаром читатели его переводов из Н. Бараташвили дивятся той органичности, с которой о современник и участник Великой Отечественной войны вошел в дом романтического поэта Гюгено).

Из Советской Армении он привез не только превосходные переводы Аветика Исаакяна, но и любовь к армянской живописи, умную статью о ее мастерах и краски, удивительные краски ее горных долин. Для переводов Дудиным выбраны стихи, где добро и зло схватываются в извечной борьбе, где один на один остаются человек и природа...

У Дудина нет «внешней» и «внутренней» биографии — психология его творчества и его биография переплетаются. Иногда Дудин кажется продолжателем той линии советской русской поэзии, которая в своем зените дала замечательного рабочего поэта Я. Смелякова; иногда связан с романтической линией нашей поэзии — с Н. Тихоновым, М. Светловым, В. Луговским, Е. Багрицким. Но сам поэт утверждает: «Нет! Я клянусь, что я не позабыл, как некогда работал Маяковский». Связь эта органична, она в природе художника.

Дудин побывал во многих странах. Он был в Чили. Это было незадолго до фашистского путча. Его книга, выпущенная Ленинградским издательством, была иллюстрирована им самим. И в стихах, и в рисунках звучали трагические ноты — поэт иногда сердцем ощущает то, что не всегда могут отметить самые точные сейсмографы. Он побывал в молодых республиках Африки и на далеких тихоокеанских островах. Карта его путешествий обширна. Но никакая карта не вместит те расстояния, которые пробегает поэтическая мысль, те открытия неведомых земель, которые делает поэт, оставшись наедине с самим собой.

Он объездил почти всю родную страну. Объездил, всматриваясь, изучая, трудясь. Он был на Камчатке, на Сахалине... Недавно побывал на Северном полюсе. В трехтомник не вошли стихи об этом перелете. Но на далекой зимовке Дудин нашел то, что всегда ищет в жизни, — чувство коллектива, дружбы, братства.

В собрание сочинений Михаила Дудина не включены его статьи о поэзии и живописи, не вошли многие стихотворения. В сокращении дана своеобразная автобиографическая повесть «Где наша не пропадала!», на страницах которой предстал облик поэта темпераментного, активно воспринимающего мир.

Дм. МОЛДАВСКИЙ.
г. Ленинград.